

«Эволюция татарской общественно-политической мысли во втор. полов. XIX в. : от просветительства к национально-освободительной идеологии».

Модернизация традиционного уклада, охватившая мусульманский мир в XIX в., была продиктована значительным отставанием стран мусульманского Востока от основных тенденций мирового развития. Под давлением европейской экспансии многие из них оказались в положении колониальной и полуколониальной зависимости. Колонизация, при всех присущих издержках, объективно вела к преодолению традиционного изоляционизма и вовлечению мусульманских стран в структуру международных экономических связей (торговли, производственной специализации), привнесению в колонии новых технологий, капиталистических отношений, а также элементов европейской культуры. Наиболее ранней аккультурации подверглись народы Российской империи, где интенсивность социокультурных взаимодействий и масштаб этнодемографических изменений были выше, чем где-либо. Российские мусульмане раньше других были вынуждены искать пути социокультурной адаптации, выразившиеся, прежде всего, в активной ассимиляции достижений европейской цивилизации.

«Важнейшей составной частью колониальной экспансии было насаждение в мусульманских обществах западноевропейских теорий (политических, экономических, социологических), наиболее интенсивное распространение и усвоение которых... приходится на XIX – начало XX века».¹ Татарское просветительство, (как социокультурный феномен,

¹ Мартыненко А.В. Бахаи и ахмадиат: новые религиозные сообщества в контексте модернизации ислама (сравнительно-исторический анализ). – Ульяновск, 2005. – С.34-35.

сыгравший огромную роль в развитии мусульманских народов России), также, явилось в значительной степени результатом подобной ассимиляции. Уже в XVII – XVIII вв. активная политика российского правительства привела к вовлечению наиболее активной части мусульманского населения в круг культурных инноваций (благодаря развитию торговли, промышленного предпринимательства, привлечению к службе, обучению в государственных школах и т.д.). Например, родоначальник династии педагогов-просветителей С.Х. Хальфин (1732-1785), будущий преподаватель татарского языка в Первой Казанской гимназии, начинал рядовым переводчиком в лашманской конторе, затем работал в Комиссии 1767 г., «заслужил звание бригадира и при осаде Казани сидел в казанском кремле вместе с архиереем, представителями власти, русскими и татарскими помещиками. Когда Пугачёв потерпел поражение Хальфин был старшим переводчиком Следственной комиссии по наказанию восставших, заседавшей в Симбирске под председательством графа Панина».¹ Впоследствии целая плеяда татарских просветителей (И.И. Хальфин, Н.М. Ибрагимов, С.Б. Кукляшев, А.А. Вагапов, М.-Г. Махмудов, Н.Б. Атнометев, М. Бердиев, Х. Файзханов, И.В. Терегулов, С.-Г. Ахмеров и др.), привлеченная российской администрацией к службе в государственных учебных заведениях, стала проводником идей просвещения в мусульманской среде. В русле просветительского движения в течение всего XIX в. выдвигались многочисленные проекты создания татарских училищ и гимназий, издания на татарском языке газет и журналов, открытия новых татарских книгоиздательств и т.д.

Вместе с тем, распространение идей модернизации среди российских мусульман происходило отнюдь не только (и не столько) вследствие русской аккультурации, но и по линиям традиционных связей со странами

¹ Газиз Г. История татар... - С.169.

мусульманского Востока (торговля, паломничество, обучение и т.д.),² которые испытывали не меньшее культурническое давление Запада. Вместе с торговыми караванами в Среднюю Азию и другие центры исламской культуры направлялись тысячи шакирды для получения высшего религиозного образования.² Однако преобладание средневековой схоластики в медресе Бухары и Самарканда способствовало постепенному падению значимости этих школ.³ Более популярными становятся светские училища в Стамбуле, университеты аль-Азхар и аз-Зейтуна в Каире и Тунисе, которые во второй половине XIX в. стали подлинными центрами мусульманского модернизма. Например, в аль-Азхаре учились М. Биги, З. Камали, З. Кадыри, Г. Расули, Г. Юнусов и другие будущие лидеры татарского национального движения.⁴

В целом просветительская идеология доминировала в общественно-политическом сознании татар вплоть до конца XIX в. Впервые в систематизированном виде она была выражена в трудах Ш. Марджани, Х. Файзханова, К. Насыри, И. Гаспринского и др. Призывы выйти за грань религиозного образования, приобщиться к достижениям европейской науки и культуры, при безусловном сохранении ценностей мусульманского образа жизни, стали общим местом татарской модернистской литературы втор. полов. XIX в. Однако, даже самые ревностные поборники татарского просвещения в этот период в значительной степени были свободны от просветительских иллюзий, преобладавших в этой среде на более раннем этапе.⁵ Ограниченность

¹ См.: Гафаров А.А. Мусульмане Поволжья как неотъемлемая часть исламской цивилизации // История народов Поволжья и Приуралья: исследовательские традиции и новации. – Казань, 2006. – С.17-23; Гафаров А.А. Традиционные связи мусульман Востока в процессах общеисламской модернизации // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. – Казань, 2007. – С.275-279.

² Иванай Ю., Утыз-Имени А., Курсави А., Кизлеви Ф., Каргалый А., Биктемировы, Марджани Ш., Расули З., Усманов Х., Баруди и др.

³ В этом отношении весьма показателен эпизод с представителем татарского реформаторства А. Курсави, который был обвинен в ереси и приговорен бухарским эмиром к смертной казни.

⁴ В Стамбуле, Бейруте, Мекке, Медине и других городах Османской империи обучались М. Хусаинов, Т. Ялычгул, Г. Юнусов, М. Султанов, М. Рамзи, Г. Ибрагим, Г. Буби, Ю. Акчурин и др.

⁵ Классический путь в поисках знаний проделал будущий знаменитый теолог и религиозный реформатор Биги М. После Ростовского реального лицея он обучался в Бухаре, Каире, Мекке, в Индии (в ун-те г.

просветительских проектов для «действующих лиц» была вполне очевидна. В эти годы в просветительской литературе исподволь (в опосредствованной форме) начинает пробивать дорогу мысль о невозможности изменить положение мусульман, как и других народов России без коренных политических преобразований.

Впервые сакраментальные вопросы «кто мы? откуда? и куда мы идем?» поставил выдающийся ученый и просветитель татарского народа Ш. Марджани. В своем фундаментальном труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» (Кладезь сведений о делах Казани и Булгар) он попытался осветить происхождение и проследить историю татарского народа. Повествуя о великом прошлом он с болью пишет: «большинство народа даже смеет считать, что мы вот так, испокон веков, влачили жалкое существование под пятой Русского государства».¹ Однако описание до падения Казани во второй части сменяется историей мечетей, медресе и деятельности духовенства.² Известно, что все сюжеты, касающиеся татарского национально-освободительного движения, факты колониального угнетения нерусских народов, биография имама Шамиля были изъяты цензурой.³

Говоря о том, что татары «вообще не знают прошлого своего народа»,⁴ Ш. Марджани и Х. Файзханов (История Казани),⁵ таким образом, подчеркивали, что историческое знание является основой национального

Диюбент), затем вновь в Каире, Бейруте, Сирии (в медресе Шама). Примечательно, что последний отрезок своего пути, из Бейрута в Шам за неимением средств он прошёл пешком. В итоге он напишет: «Полный больших надежд я путешествовал по исламскому миру, посетил Бухару, Турцию, Египет, Хиджаз, Индию и Сирию. Я видел все религиозные медресе. Но, к сожалению, в конце концов, вернулся на родину неудовлетворённым и совершенно разочарованным». См.: Гёрмез М. Муса Джаруллах Бигиев. – Казань, 2004. – С.20.

¹ Марджани Ш. О делах, происходивших в ханские времена. (Из книги «Мустафад ал-ахбар фи ахвал Казан ва Булгар») // Ветры Великих Булгар.- Казань, 1993.- С.3.

² Шакуров Ф.Н. Развитие исторических знаний у татар до февраля 1917 года.- Казань, 2002.- С.66.

³ Юсупов М.Х. Шигабутдин Марджани как историк.- Казань, 1981.-С.47.

⁴ Марджани Ш. Указ. соч. – С.3.

⁵ Х. Файзханов писал: «...события прошлого, история правления ханов – все это для нашего народа до сих пор покрыто мраком неизвестности». См.: Хусаин Фаизханов. История Казани // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. - Н. Новгород, 2008. – С.58.

самосознания. Внешне выступая под лозунгами просвещения, они вполне осознанно закладывали основы национальной идеологии. Задача донести до масс историю «великого прошлого» стала программой последующего поколения татарских ученых. По утверждению Х. Атласи: «История – единственная из наук, способная пробудить в человеке чувство национального достоинства».¹ Впоследствии Г. Ибрагимов вполне открыто выступит в защиту национального чувства, против очернителей «древней славы» («Габди», 1912),² призвав авторов («Новые произведения», 1911) показать величие и могущество их предков так, чтобы любовь к татарскому была у них в подсознании, чтобы они гордились принадлежностью к этому народу, привязались к нему душой. Для этой великой цели, поскольку речь идет не о науке, а об учебнике (учебнике истории Ф. Карими), допустимо даже приукрасить свое прошлое, и, если необходимо, исключить из него недостойные страницы.³

(Брошенные зёрна, по-видимому, должны были упасть на благоприятную почву. Не случайно поборник миссионерского просветительства Ильминский Н.И. не без опасения предупреждал, что «татары в их собственных глазах - царственная нация, и что мы никогда не должны забывать это, как бы прекрасно не говорили о лояльности к русским».⁴ Его отношение к татарскому просвещению достаточно определено: «фанатик без русского образования и языка сравнительно лучше, чем по-русски цивилизованный татарин...».⁵)

В исторической литературе этого периода четко прослеживается идеологическая канва – воссоздать утраченную, но великую историю. В своём стремлении отразить «великое прошлое» татарские историки и

¹ Атласов Х.М. История Сибири. – Казань, 2005. – С.11.

² Шакуров Ф.Н. Указ. соч.- С. 93.

³ Там же. С. 104.

⁴ Тагиров Р.И. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль - июль 1917 года).- Казань, 1977.- С.68.

⁵ Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору синода К.П. Победоносцеву. – Казань, 1898. – С.177.

публицисты обратились не только к временам Волжской Булгарии и Казанского ханства (как это сделали «предтечи», Ш. Марджани и Х. Файзханов), но и выступили с претензией на Монгольское и Ордынское наследство. История которых представлялась неразрывной частью общей тюрко-татарской истории. Империя Чингисхана, Золотая Орда становятся символом национальной гордости бывшего могущества, «когда татары держали в трепете весь мир», времени, которое было счастливым.¹ В результате татаро-монгольского завоевания «Болгарское ханство не только не потеряло своего бывшего экономического значения, но даже могло вернуть то, что было им потеряно после ослабления своего покровителя Аббасидского халифата».²

В классической форме концепция «великого прошлого» отражена в первой четверти XX в. в трудах Г.С. Губайдуллина. Империя гуннов – Тюркский, Аварский, Хазарский каганаты – Булгарские государства – империя Чингисхана – Золотая Орда – Татарские ханства (Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское, Касимовское, Ногайская Орда) – этапы великой тюрко-татарской истории.³ Подспудно, таким образом, прослеживается очевидная мысль, что народ, имеющий великое прошлое, не может и не должен прозябать в настоящем. (Вероятно, отнюдь не случайно общепризнанный идеолог татарского национального движения Г. Исхаки в своем программном труде «Идель-Урал», прежде всего, ссылается на работы Губайдуллина.)

Исторические экскурсы оказались едва ли не единственной возможностью безнаказанно выступить с осуждением российской имперской политики, публично проявить чувства завоеванного и угнетенного народа. Антимосковские (антиимперские) эмоциональные интонации звучат, прежде всего, в сюжетах, связанных с гибелью

¹ Атласов Х.М. Указ. соч. – С.25.

² Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар. – Казань, 1925. – С.72.

³ См. Газиз Г. История татар. – М., 1994; Губайдуллин Г.С. Из прошлого татар. – Казань, 1925 и др.

Казанского ханства «от русских агрессоров», которое, по мнению Г. Ахмерова, 150 лет сдерживало «агрессивные устремления Москвы на Восток».¹ Однако если в ордынские времена «приезжающие в Орду русские князья подобострастно кланялись ханам»,² то в конце XV в. «московский великий князь (Иван III – А.Г.) до того обнаглел, что стал считать Казань чуть ли не своей вотчиной...»³ «Падение Казанского ханства, бывшего сердцем всего татарского мира, - писал Х. Атласи, - предвещало близкий конец и другим татарским ханствам... начало конца всего татарского мира, который в недалёком будущем окажется развеянным в прах».⁴

Причину, краха татарских государств Х. Файзханов видел, прежде всего, в разобщенности феодальной элиты, в отсутствие чёткого закона престолонаследия. «По прошествии семиста лет по хиджре (XIV в. н.э. – А.Г.)... кыпчакская империя Золотая Орда стала постепенно ослабевать, порядок и закон стали терять прежнюю силу по причине отсутствия между наследниками престола единства и сплоченности... Дабы это новое ханство в Казани не вобрало в себя былого могущества татар, они (русские –А.Г.) взяли его под пристальное внимание и в этом отношении предпринимали различные меры... Уже исходя из того, что в самой традиции престолонаследия у татар заключались неразрешимые сложности, а татарских наследных принцев с легкостью можно было перетянуть к себе, русские цари противопоставляли могуществу Казанского ханства силу самих татар, созданную ими искусственно... Держа в Касимовском ханстве ханов, им удавалось сеять раздор и смуту в Казани».⁵

Атласи, также отмечая измену отдельных феодалов, выводит вопрос на уровень проблемы национального единства. «В их (татар – А.Г.) отношениях почему-то не было ни дружбы, ни любви, ни братства, ни

¹ Ахмеров Г. История Казани // Избранные труды. – Казань, 1998. – С.76, 72.

² Газиз Г. История татар... - С.73.

³ Ахмеров Г. История Казани... - С.93.

⁴ Атласов Х.М.. Указ. соч. – С.27.

⁵ Хусаин Фаизханов. Касимовское ханство // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник... – С.73, 74, 77.

чувства единства, они словно превратились в диких зверей и лишь хмелели при виде крови сородичей. Даже волки не едят волчьего мяса, зато эти с жадностью рвали на куски своих братьев по вере и крови, прямо-таки дрожали от радости, когда за малую выгоду могли продать их. Как исчезает снег в лучах жаркого солнца, так и они, сгорая от нетерпения, торопили свой конец...»¹ (Эмоциональная тирада Атласи обращена в современное ему настоящее: предатели и «в наши дни охотно строчат доносы, лгут, наговаривают на сторонников джадидизма – Камиля мирзу и Исмагила мирзу, выдавая их передовые методы обучения детей в школе за попытку возродить татарское ханство».)²

Зачастую отдельные ироничные сентенции воспринимаются лишь в контексте общего критичного звучания. Например, для Губайдуллина «мясник Минин» прежде всего представитель жаждущего земель и крепостных служивого сословия и торговцев.³ В свете подавления сепаратистского движения в Поволжье в период «смутного времени», «наложения» на Казанский край «пятиной деньги» (чрезвычайного 20-% налога) и жестокого подавления последующего восстания определение «мясник» приобретает совсем другое звучание, нежели у Соловьева С.М., обозначающее род занятий символа российской соборности и спасителя пошатнувшейся государственности.

Национальные акценты в трудах Ахмерова вызывали естественные нарекания со стороны приверженцев официальной идеологии, поскольку «его материалы опровергали многое из того, что было в трудах этих профессоров».⁴ Дискутируя татарские историки, прежде всего, обращали внимание на односторонний характер общеиспользуемых источников. Файзханов весьма осторожно отмечал, что официальные летописцы («кафиры») «когда писали свою историю, то не жалели черных красок,

¹ Атласов Х.М.. Указ. соч. – С.27.

² там же. – С.64-65.

³ Газиз Г. История татар... - С.133.

⁴ Хайрутдинов Р.Г. Историк Гайнетдин Ахмеров // Ахмеров Г. Избранные труды. – Казань, 1998. – С.9.

рассказывая о Казани», боясь «как бы Казань не развилась до уровня Сарая». «А во многих случаях, питая враждебные чувства к татарам и утаивая истину, они специально преподносили их в форме противопоставления одних другим. По этой причине невозможно безоговорочно доверять русской истории».¹ Ахмеров, писавший в более позднюю эпоху, использовал гораздо более жёсткие выражения. «Русские исторические сведения чаще всего исходят из оставленных монахами летописей. А эти сведения, особенно в эпоху Казанского ханства, так и дышат ненавистью к татарам, то есть изначально настроены только на негативное восприятие всего татарского... Летописи... брызжат таким фанатизмом и предвзятостью...» и т.д.²

Российскому имперству татарские ученые противопоставляют, в значительной степени, идеализированную картину устройства Казанского ханства и Золотой Орды.

Сильное впечатление на российскую общественность оказала победа Турции (в союзе с Англией и Францией) в Крымской войне (1853-1856), успехи реформ Танзимата, а также принятие конституции 1876 г. и т.д. Созыв в марте 1877 г. «первого османского парламента всколыхнул всю Россию, чем вызвал большое недовольство Петербурга; российский дипломат в Стамбуле заявил: «Османскую конституцию воспринимаем как вызов. Мы заставим турок дорого заплатить за то, что они поставили нас в положение единственной страны Европы, которая не имеет ни конституции, ни парламента».³ Объективно конституционный успех Турции подталкивал Россию в аналогичном направлении.

Идеи Танзимата, движение «новых османов» и младотурок способствовали расширению реформаторского и просветительского

¹ Хусаин Фаизханов. История Казани... - С.58-59. Вместе с тем, не без юмора он замечает: «...если в этих записях татары восхваляются, возвышаются на фоне русских, то почему бы и не принять эти сведения?» См.: там же. – С.60.

² Ахмеров Г. История Казани... - С.65, 66.

³ Ортайлы И. Россия и Турция... - С.88.

движения российских мусульман, активизации школьной реформы, а также распространению либерально-освободительной идеологии и т.д. Очевидно, что значительная часть российских шакирдов, обучавшихся в ближневосточных школах, сблизилась с кругами, связанными с радикальными политическими течениями.¹ Не случайно, в этот период среди тюрко-татарской интеллигенции весьма популярным становится «османский стиль», широко распространяется турецкая литература, в мектабах и медресе особое значение приобретают учебники турецкого происхождения. «Что касается меня самого, - впоследствии напишет Г. Исхаки, - то ещё на школьной скамье я начал своё образование с чтения произведений турецкой литературы: «Мошаварат», «Мизан», «Турклер».²

Молодой И. Гаспринский ещё в первой половине 70-х гг. дважды посетил Стамбул, побывал в Сирии, Египте, Тунисе, ознакомился с произведениями аль-Афгани, а также с трудами турецких конституционалистов – лидеров новых османов Н. Кемаля и А. Мидхат-паши.

¹ Именно софты (стамбульские студенты) в 70-е годы стали оплотом либерализма в борьбе за конституционные реформы. (В 1876 г. шесть тысяч студентов, а также курсанты военной школы сыграли решающую роль в свержении режима Абд ал-Азиза и последующем принятии конституции.) См.: Рыжов К.. Мусульманский Восток. XV – XX вв. – М., 2004. – С.11.

² Касымов Г. Пантюкистская контрреволюция и её агентура - султангалиевщина.- Казань, 1931. - С.52.